

Н. СТРУВЕ

Колебания вдохновения в поэтическом творчестве Ахматовой

«И откуда это они взяли, не понимаю, всюду это пишут, что я 18 лет молчала, по какой это арифметике они учились», — с возмущением говорила Ахматова в беседе с нами, в июне 1965 г., имея в виду эмигрантских или иностранных критиков (в России о ней тогда мало писали)*. Сходные высказывания мы встречаем и в других записях бесед с нею, в частности у Лидии Чуковской: «Со мною на Западе, — говорила ей Ахматова, — случилось нечто непоправимое... Самое лживое: будто 20 лет я ничего не писала, а потом, в 40 году, “Ива” — и конец» **. Да и в стихах начала 50-х гг. Ахматова коснулась этой болезненной для нее темы:

Вы меня, как убитого зверя,
На кровавый подымете крюк,
Чтоб хихикая и не веря
Иноземцы бродили вокруг
И писали в почтенных газетах
Что мой дар несравненный угас,
Что была я поэтом в поэтах,
Но мой пробил тринадцатый час.

Фактическая невозможность печататься с 1925 по 1940 г. (15 лет!), затем с 1946 по 1958 г. (еще 12 лет, то есть в общей сложности более четверти века), кущость и подцензурность при-

* Струве Никита. Восемь часов с Анной Ахматовой // Ахматова Анна. Сочинения. Международное литературное содружество, 1968. Т. 2. С. 328.

** Чуковская Лидия. Записки об Анне Ахматовой. Париж, 1980. Т. 2. С. 280—281.

жизненных изданий, где «главное не напечатано» (даже в предсмертном «Беге времени» из «Поэмы без героя» дана только первая часть, а «Реквием» почти целиком отсутствует), заставляли Ахматову с понятной, но иногда излишней запальчивостью заявлять о том, что пар ее не угасал. И действительно, у читателей порой складывалось впечатление, что Ахматова исчерпалась: «Что она делала с 1917 по 1940 г.? — недоумевала в своем дневнике Марина Цветаева. — Внутри себя. Эта книга (сборник 1940 г.) непоправимо белая страница»*.

С другой стороны, сама Ахматова, как бы противореча себе, не раз упоминала о своем молчании. В этой же парижской беседе с нами она хвалила Вячеслава Иванова (а случалось это с ней чрезвычайно редко) за то, что в 1919 г. он мог написать «Зимние сонеты» — «в то время, как мы все молчали». А в «Поэме без героя» она уже без обиняков говорит о «десятилетиях» молчания как о чем-то само собой разумеющемся:

И проходят десятилетья —
Пытки, ссылки и казни — петь я,
Вы же видите, не могу.

В четверостишье 30-х гг. этой невозможности петь Ахматова придала оттенок свободного отказа:

И вовсе я не пророчица,
Жизнь моя светла как ручей.
А просто мне петь не хочется
Под звон тюремных ключей.

Как видно из этих противоречивых признаний, в долголетнем творческом пути Ахматовой были перебои, свойственные почти всем поэтам.

Эти колебания вдохновения имеют у Ахматовой отчетливо двойное происхождение. Они обусловлены внешними причинами, временами разрухи и террора, когда петь «не хочется» или нет сил. Но они вписываются и в общие закономерности творческого развития поэтов. В другом месте**, размышляя над кризисом Марины Цветаевой, путем сопоставлений мы пришли к выводу, что у всех крупных русских поэтов XIX и XX вв.

* Струве Н.А. Кризис Цветаевой // Вестник РХД. № 137. III. 1982. С. 212—217.

** Интересно, что Ахматова определяет 32-летний возраст годами цветения (см.: Чуковская Лидия. Указ. соч. С. 379), но это именно последнее цветение перед времененным увяданием.

усыхание поэтического вдохновения приходится, как правило, на 33-й, 34-й год жизни. По слову Пушкина, «лета к супорту прозе клонят». Перерыв в поэтическом творчестве, если затягивается, может привести к преждевременной кончине. Пушкин искал в дуэли выхода из житейски безнадежного положения; Блок, «забывший», как пишутся стихи, отдал себя почти что добровольно смерти; у трагической кончины Цветаевой были и творческие причины. Но если гибель не наступает, то у большинства поэтов, вслед за периодом бесплодия, через несколько лет (от 5 до 10, а то и больше) происходит «второе рождение», обновление, возврат вдохновения, уже не прекращающегося до самого конца. Таковы Тютчев, Фет, Пастернак, Мандельштам, Ахматова.

Ахматова начала писать стихи очень рано. Первое дошедшее до нас стихотворение помечено 1904 г. («Я лилий нарвала...»). В этих строках пятнадцатилетней девочки можно найти некоторые особенности будущей ахматовской поэтики, например синтаксическую самостоятельность двустиший, но образность бледна, лексика банальна и чувство выражено вяло. В юности, вспоминала Ахматова, она писала «великое множество беспомощных стихов». Рождение поэта произошло в 1909 г., когда впервые Ахматова обрела свой неповторимый и так до самого конца не изменивший ей голос. Но из ранних тетрадей взыскательная художница отбрала лишь два десятка стихотворений, в то время как популярное в те времена стихотворение «Песня последней встречи» носило в рукописи порядковый 200-й номер. Но это явление обыкновенное: у Лермонтова, Блока, Мандельштама ранний, ученический период необыкновенно обилен. Затем у Ахматовой стихи текут ровным потоком по 30, а то и по 50 пьес в год, причем 1913 и 1914 гг. отмечены особой плодотворностью. Любовная лирика Ахматовой осложняется темой «Недоброво и Анреп», (одного она не сумеет полюбить, другой ее не полюбит) и сочетается с «грозовыми вестями» на-двигающейся войны. Тогда же у Ахматовой наблюдается тяготение к большой форме («Эпические мотивы»; поэма «У самого моря», 280 строк которой контрастируют с обычными для Ахматовой короткими стихотворениями в три, четыре строфы).

Первый и решительный спад вдохновения приходится на революционные годы. Об этом времени и говорила Ахматова «мы все тогда молчали», хотя это замечание относится прежде всего к ней самой и к А. Блоку, после 1918 г. написавшему только предсмертное обращение к Пушкину. В 1921—1922 гг. вдохновение ее снова забило мощной струей. До сих пор не раскрыты

смысл названия пятой ахматовской книги «Anno Domini», в которой собраны в основном стихи этих двух плодоносных лет. На вопрос собеседника, не в память ли убиенного Гумилева так названа книга, Ахматова ответила отрицательно, но никакого объяснения не дала. Может быть, название отмечало возврат благодатного вдохновения после трех скучных лет?

С 1923 г. начинается тринадцатилетний период почти полной поэтической немоты. Упоминая о тяготах жизни в квартире Н. Н. Пунина, Ахматова так объясняла, что не решилась выехать даже после разрыва: «Мне было очень плохо, ведь я 13 лет не писала стихов, вы подумайте: 13 лет». Л. К. Чуковская почему-то считает, что Ахматова это сказала в запальчивости: «...таких периодов жизни, когда А. А. вообще не писала стихи, у нее не было... Во время брака с Пуниным Ахматовой написано, по приблизительному подсчету, около тридцати стихотворений»*. Тут мы с Л. К. Чуковской несколько расходимся: по нашим подсчетам, за эти 13 лет написано не более 20 стихотворений, но такие колебания в цифрах не играют существенной роли. Так или иначе, за этот период Ахматова сочиняла от силы по одному-два стихотворения в год. В 1926 г., впервые за свою жизнь, она не напишет ни единой строки. Особенно бесплодны будут конец 20-х — начало 30-х годов: в 1928, 29, 31, 33, 34 гг. Ахматова пишет по одному стихотворению, а в 1930 и 1932 гг. — ни одного... Не Запад, а самая что ни на есть голая арифметика позволяет подтвердить, что целых 13 лет Ахматова стихов почти не писала. Между продукцией в 50 или 30 стихотворений в год и одним, в лучшем случае, двумя стихотворениями — дистанция огромного размера, не просто количественное убавление, а призрак бесплодия, тем более страшный для лирического поэта, что он не литератор и вне поэзии в литературе не существует. Угасание дара для него равнозначно смерти. Не в эти ли годы написала Ахматова свое короткое и не датированное стихотворение о редких посещениях Музы:

...Говорят: «Ты с ней на лугу...»
Говорят: «Божественный лепет...»
Жестче, чем лихорадка, оттреплет,
И опять весь год ни гу-гу.

В те годы жизнь Ахматовой изобиловала трудностями, внешними и внутренними: партийное постановление 1925 г., факти-

* Чуковская Лидия. Записки об Анне Ахматовой. 2-е изд., испр. и доп. Париж, 1984. Т. 1. С. 168—169.

чески лишившее ее возможности печататься; нелады, а затем и разрыв с Пуниным. Тем не менее, как нам кажется, в данном случае не жизненные трудности определили период длительного молчания, а тайные закономерности поэтического процесса. По нашим наблюдениям, у подлинно лирического поэта не бывает с молодости и до старости единого потока вдохновения*. Остановка в нем неизбежна по каким-то тайным биологическим и духовным законам. У Ахматовой перерыв оказался на редкость длительным. Зарубежные исследователи, несколько спешившие с выводами, вернее с вычетами, не заметили, что возврат дыхания произошел не в 1940 г., а четырьмя годами раньше, хотя и в более скромных масштабах. Ахматова с гордостью нам говорила, что за один 1936 г. у нее было 9 стихотворений... Однако эта вспышка потухает в ежовские апокалиптические годы, чтобы вновь проявиться в 1939 г., когда была написана основная часть «Реквиема», и превратиться в творческий расцвет в 1940 г. В этом во всех отношениях рубежном году Ахматовой написано 33 вещи — столько же, сколько в 1916 или 1921 г. А если учесть, что среди них две поэмы — «Путем всея земли» (144 строки) и первая часть «Поэмы без героя» (228 строк), то по объему творчество 1940 года напоминает 1914 год. Это сопоставление наводит на мысль, что мощным стимулом вдохновения как в 1914 г., так и в 1940 г. оказались не личные переживания, а исторические события. 1914 год воспринимался как конец не только беспечной молодости, но и как качественное изменение времени («Мы на сто лет состарились»). Так и 1940 год (падение Парижа, советско-финская война) ощущался как «погребение эпохи», как новое возмездие, как призыв подводить итоги. Открывшийся поток вдохновения не иссякал все военные годы. В Ташкенте, вспомниала Ф. Раневская, Ахматова даже говорила: «Ах, эта Болдинская осень очень затянулась» **. И действительно, стихи идут равномерно по 15—20 в год. К тому же здесь подсчеты страдают особой неполнотой, поскольку по возвращении в Ленинград немало своих произведений Ахматова сожгла (в частности, трагедию «Сон во сне»).

* Нечто сходное наблюдалось и в духовной жизни вообще: порыв молодости, холодный белый день, переходящий в спокойную умудренность, но — как любая закономерность — эта знает много отклонений.

** Михайлов Константин. [Воспоминания] // О Раневской. М., 1988. С. 34. Правда, это было сказано с оттенком юмора (намек на невозможность выехать из Ташкента).

Ждановское постановление, которое Ахматова восприняла не только как личную беду, но в общемировом плане как первое действие холодной войны, имело для ее творчества непосредственные роковые последствия (усугубленные затем арестом сына). Ахматовой стало не до стихов: в 1947, 49, 52 гг. она пишет по одному стихотворению, в 1948, 51, 53, 54 гг. — ни одного. Своеобразное исключение составляет 1950 год, когда Ахматова вымучивает из себя 14 лжестихотворений во славу Сталина и несколько холодных и вялых стихов о молодом советском поколении. Назревает новая опасность: «растаять в казенном гимне»...

Но стоило Сталину сойти со сцены, а сыну вернуться из-за колючей проволоки, как снова потекли стихи: в 1956 г. Ахматова возвращается к лирике, к теме «гостя из будущего», пришедшего к ней в 1945 г., и не то восстанавливает, не то заново пишет цикл стихов «Из сожженной тетради».

Подлинный же возврат творческих сил следует отнести к 1959 г., когда ей исполняется 70 лет. Бег времени страшил Ахматову, но старость не имела над ней власти. В 1958—1959 гг. написаны едва ли не самые прозрачные, самые возвышенные ее стихи («Приморский сонет», «Летний сад»). Вдохновение ее уже не покидает. В 1962 г. Ахматова снова упомянет творческую осень, вероятно имея в виду не какой-то определенный год, а весь поздний период:

Вот она, плодоносная осень!
Поздновато ее привели.
А пятнадцать блаженнейших весен
Я подняться не смела с земли.

В этих поздних стихах Ахматова уже вплотную приближается к арифметике раздраживших ее западных критиков...

Но вершиной последнего периода, без сомнения, останется 1963 год, насчитывающий 23 стихотворения, среди которых цикл «Полночные стихи» — «лучшее, что я написала», как говорила сама Ахматова *.

В этих магических стихах, не то о любви, не то о творчестве, а скорее всего о тайном сродстве душ через преображающее действие искусства, Ахматова, преодолевая время, достигает того, чего в таком возрасте еще не бывало ни в русской, ни, вероятно, в мировой поэзии: сочетания первозданной свежести чувств с умудренным взглядом старости.

* См.: Струве Никита. Указ. соч. С. 342.

Так до конца необычайно длинной для поэта жизни, несмотря на превратности судьбы и катастрофичность эпохи — или благодаря им? — Ахматовой было дано, минуя периоды немоты, вновь и вновь являть миру «тайну тайн», самое поэзию, которую прервала лишь смерть:

А как музыка зазвучала
И очнулась вокруг зима,
Стало ясно, что у причала
Государыня — смерть сама.

(1965)

